

ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-57-76

УДК 211

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОСВЯЩЕНИИ

Любимова Татьяна Борисовна,

доктор философских наук,

ведущий научный сотрудник

Института философии РАН,

109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1

ORCID: 0000-0002-4840-4018

ResearcherID: 2018-11-09

tat-lub@yandex.ru

Аннотация

Посвящение есть наиболее древнее и фундаментальное основание существования цивилизации. Формы посвящения менялись со временем, однако цель его оставалась неизменной. Самую древнюю форму посвящения мы находим в шаманизме. Позже происходит его гибридизация при взаимодействии с более сложными и организованными религиями. Современная цивилизация утратила изначальный смысл ритуалов посвящения. Его символы, темы и сюжеты перешли в поэзию и литературу. В этой связи в статье рассматриваются идеи М. Элиаде. Целью нашего исследования было показать глубинные причины превращения традиционной цивилизации в техногенную. В учении о Единой Традиции это явление считается деградацией. Рене Генон находит причину деградации западной цивилизации в сужении ее интеллектуального горизонта. Резкое снижение интеллектуального уровня, рационализм и материализм в философии, сведение всего к количеству характерны для западной философии. Это оказало негативное влияние и на цивилизации Востока. С этим также связана деградация посвящения. Антитрадиционное общество породило формы фиктивного посвящения. Нельзя, однако, отрицать существование подлинного, но тайного посвящения. Генон считает, что подлинное посвящение есть связь с высшим принципом бытия, метафизическим истоком всего сущего. В нашем исследовании мы постарались показать необоснованность и несправедливость предубеждений по отношению к учению о единой Традиции, раскрыть духовный смысл древних форм посвящения. Показано, что единство Традиции обеспечивается не преемственностью культурных форм; эти формы есть только символическое выражение Традиции. Сама Традиция, как и посвящения, превосходит условия человеческого существования.

Ключевые слова: посвящение, шаманизм, традиция, символы, современная цивилизация.

Библиографическое описание для цитирования:

Любимова Т.Б. Размышления о посвящении // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч. 1. – С. 57–76. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-57-76.

«Вот я перед тобою, Луций, тронутая твоими мольбами, мать природы, госпожа всех стихий, изначальное порождение всех времен, высшая из божеств, владычица душ усопших, первая среди небожителей, единый образ всех богов и богинь, мановению которой подвластны небес лазурный свод, моря целительные дуновенья, преисподней плачевное безмолвие. Единую владычицу, чтит меня под многообразными видами, различными обрядами, под разными именами вся вселенная... Богатые древней ученостью египтяне почитают меня так, как должно, называя настоящим моим именем – царственной Изидой» [1, с. 398]. Мы, современные читатели, не воспринимаем всерьез ни эти слова богини, ни события всего повествования о несчастиях Луция, закончившихся, правда, замечательным спасением. Богиня говорит ему, чтобы тот во время процессии, ей посвященной, сорвал розы из венка на руке жреца и в тот же миг сбросил с себя ненавистную ей и самому Луцию звериную шкуру. Но зато весь остаток своей жизни он должен посвятить служению богине. Как и положено в структуре ритуала посвящения, перед самым действием необходимо очищение, которое он проходит, пробудившись от сна: «Вижу я необыкновенно ярко сияющий полный диск блестящей луны, как раз поднимающийся из морских волн, невольно посвященный в немые тайны глубокой ночи, зная, что владычество верховной богини простирается особенно далеко и всем миром нашим правит ее промысел...», полагая, что судьба, уже насытившись моими столь многими и столь тяжкими бедствиями, дает мне надежду на спасение, хотя и запоздалое, решил я обратиться с молитвой к царственному лику священной богини, перед глазами моими стоявшему» [1, с. 296]. Семь раз, следуя священному числу Пифагора, погружает он голову в морскую воду и возносит молитву богине. Вновь засыпая, он видит богиню и происшедшие с ним чудесные события, вернувшие ему человеческий облик, вслед за которыми произошли еще более удивительные события. Луций получил не одно посвящение, а целых три, стал служителем Изиды, храм которой находился на Марсовом поле. После третьего посвящения он завершает свой рассказ словами: «Снова обрив голову... хожу теперь ничем не осеняя и не покрывая своей плешивости, радостно смотря в лица встречных» [Там же, с. 316]. Этой немного измененной цитатой из Аристофана автор *Метаморфоз*, как последним аккордом, хотел, на наш взгляд, показать не свое ироническое отношение к нравам, религии и ритуалам посвящения своего времени, а отношение к самому себе, не только примирившемуся с жизнью, но и радостно на нее вззирающему.

Однако если серьезно отнестись к повествованию, то надо сказать, что за шутливой, прихотливой маской иронии всегда кроется нечто важное, и надо только изменить точку зрения, и привычный, кажущийся нормальным мир обретет странные очертания. Саму историю о «золотом осле» автор, возможно, использовал как раз для того, чтобы на фоне гротеска «приключений» странности религии и посвящения не казались уже такими странными. Несмотря на шуточный (но не гротесковый) финал и общую оценку «всей жизни», оказавшись в звериной шкуре, т. е. превратившись в животное, как это и происходит в шаманской или магической технике посвящения, и, наконец, освободившись от нее, герой повествования прекрасно осознает саму абстрактную схему посвящения: «Достиг я рубежей смерти, переступил порог Прозерпины и вспять вернулся, пройдя через все стихии; в полночь видел я солнце в сияющем блеске, предстал перед богами подземными и небесными и вблизи поклонился им. Вот я тебе и рассказал, а ты, хотя и выслушал, должен остаться в прежнем неведении» [Там же, с. 311]. В повествовании скрыто множество вполне узнаваемых моментов «техники» посвящения, есть даже указание на экстатическое состояние: у героя перед решающим событием исчез всякий страх, всё вокруг стало как-то «особенно весело». Мы не будем указывать на все моменты, относящиеся к теме техники и ритуала, они могут быть разнообразными. Важно отметить одно обстоятельство: ко II в. в Риме расцвело всяческое колдовство, магия, приходили новые боги, «секты»; в общем, духовная жизнь кипела и бурлила. При таких обстоятельствах ирония весьма уместна, ведь она есть защитная реакция в неустойчивой ситуации, когда эта зыбкость ощущается; когда же люди привыкают к ней, то тогда возникает другая реакция – безразличия. Это характерно более для современного состояния мира, чем для древности, хотя Рим того времени чем-то напоминает современный мир, что уже тоже давно замечено. И тем интереснее посмотреть на повествование об осле, который обладал качествами трудолюбия и учености, ставшем в результате, подобно автору повествования о нем, служителем храма Изида.

Теперь, если мы разведем два плана понимания самого произведения, то по одну сторону будет стоять иронический стиль повествования, гротескные события и отношение автора к ним, а по другую – та реальность, которая просвечивает через всю намеренно чрезмерно изысканную ткань текста. Мы в этом случае должны обратить внимание на то, что происходит с самим посвящением, как оно существует в то время в том месте и в тех обстоятельствах, которые чем-то напоминают современные с некоторой разницей в масштабе происходящего. Посвящение еще существовало и даже не было слишком тайным, несмотря на то что узнавший о нем непосвященный должен оставаться «в прежнем неведении».

Рим наследовал большинство форм культуры из Греции и Египта, не надо забывать и о его связях с Востоком. Рим заимствовал всё отовсюду, впрочем, как и Афины это делали. Но и в этих местах формы священного были уже не первичными: «Было бы наивным в нескольких словах представить суть мистерий, которые более тысячи лет господствовали в религиозной жизни Греции и которые не одно столетие являлись предметом страстных споров между учеными. Элевсинские мистерии, как, впрочем, и Дионисии и орфизм, ставят перед исследователем нескончаемое множество проблем, особенно проблем их происхождения и древности, так как мы имеем дело с обрядами и верованиями глубочайшей древности. Ни один из этих культов посвящения не может рассматриваться как творение греческого духа. Их корни уходят глубоко в протоисторию. Традиции были восприняты, обогащены и интерпретированы на новом религиозном уровне... В основе опыта, полученного в обрядах, имевших место как в Греко-восточном, так и в первобытном мире, лежит посвящение, то есть духовное преобразование неопфита... Неопфит принимает посвящение, чтобы выйти за рамки человеческих возможностей и получить качества высшего, сверхчеловеческого существа... В связи со своим посвящением в Таинства Исида Апулей претерпел “добровольную смерть” (*ad instar voluntariae*) и “приблизился к царству смерти”, чтобы получить свой “день духовного рождения” (*natalem sacrum*)» [5, с. 283–285]. В эллинистическую эпоху и позже посвящение принимали, чтобы превзойти человеческие условия существования, стать богом, обрести бессмертие. Мистерии интересны тем, что воспроизводят одни и те же формы посвящения, вкладывая со временем в эти неменяющиеся формы новый смысл. Смещение происходит в тех же формах.

Посвящение в первобытных культурах, тоже весьма сложное по содержанию и выступающее впоследствии в другие времена в качестве модели, имело целью возрождение человеческих коллективов и Космоса, восстановление вселенского порядка. При этом молодые люди «умирали» для обычной (животной) жизни, возрождаясь для духовной в мире священного. Как говорил Платон, «умереть – значит стать посвященным». В эллинистическую эпоху посвящение уже проходили не все, а избранные. Мы пока не касаемся шаманизма, истоки которого уходят в теряющуюся где-то в изначальном времени древность. Он, согласно Элиаде, отличается от всех других религиозных практик тем, что это есть, по сути, техника экстаза, но без «одержания духами», потому что шаман, контролируя экстаз, может управлять духами, но не впадает от них зависимость, вызываемую нередко наркотиками или прочими «быстрыми» средствами. «Быстрые» средства, однако, ведут к деградации не только псевдопосвященного, но и самого искусства шаманизма. Исследователи, впервые столкнувшие-

ся с этим явлением, часто искали начало шаманизма в духовных «повреждениях», проще говоря, в психических заболеваниях, но позднейшие исследования на большом этнографическом материале показали прямо противоположную картину: шаманы, прошедшие «правильное» посвящение, превосходили по интеллектуальному уровню и состоянию здоровья средний уровень, и намного. Вернемся в Античность и Рим. Элиаде справедливо связывает участие в таинствах посвящения с пробуждением литературных способностей и развитием философии: «Показателен тот факт, что таинства развивали воображение, которое породило обширную философскую и духовную литературу, особенно в период поздней Античности. отождествление философии и посвящения стало лейтмотивом с начала возникновения пифагореизма и платонизма. Даже обряды “майя” (*maia* – мать, кормилица, повитуха), с помощью которых Сократ пытался родить нового человека, имеют свой прототип в обрядах первобытных обществ» [Там же, с. 289]. Что же происходило в сложной и запутанной истории посвящения? Христиане вкладывали свой смысл в символы и ритуальные формулы посвящения, гностики, философы, другие инициативные религиозные «дизайнеры» – все использовали идеи и образы посвящения, «Некоторые аспекты этой мистерифонии дожили до средних веков. Наконец, вся доктрина была реанимирована в кружках литераторов и философов, пришедших к неоплатонизму в Италии эпохи Возрождения» [Там же, с. 291]. Элиаде неоднократно отмечает в своих трудах тесную связь между посвящением и литературным творчеством. Образы, вдохновляющие темы, символы и ритуальные формулы не только пробуждали воображение, но в определенном смысле активизировали то, что мы сейчас называем творческой энергией, можно даже назвать ее пафосом бытия, страстью-страданием, не подавляющей силы человека, а, напротив, освобождающей их. В конечном счете посвящение как таковое исчезло из жизни современного общества, точнее, оно стало, если еще не выродилось совсем, настолько тайным, что будешь стоять перед посвященным и не отличишь его от толпы, массы. В сказке мы эту ситуацию видим, когда Иван-царевич отправился к Подводному Царю на поиски своей пропавшей Василисы и должен был среди сотни одинаковых девушек (водных дочерей Царя, призрачных) выбрать неотличимую от них настоящую Василису. Между прочим, это тоже есть мотив ритуала посвящения, доживший до наших дней и означающий, что символы, показываемые, рассказываемые или представляемые иным образом, сохраняют священный смысл, не воспринимаемый как таковой «обычными» людьми. Также не воспринимаются и сами посвященные, если они даже присутствуют среди нас. Сейчас любопытство толпы превратило это традиционное таинство в профанное развлечение; так называемая массовая культура наполнена подделками и

«порчей» символов и ритуалов [10]. Всё смешивают со всем без разбора, посвящением стало модно называть всё что угодно и что весьма далеко от подлинного посвящения, которое было и остается тайной. На примере суфизма очень кратко это можно пояснить так: суфий никогда не назовет себя суфием, так как он тот, кого уже нет. Он весь «сгорел» в любви к Богу. Он может назвать себя одним из имен (предпочитаемых, священных) Бога, например, сказать: «Я есть Истина», и это не будет гордыней или кощунством, а, напротив, это будет Высшим Тождеством. Но лучше этого не говорить, даже если ты об этом знаешь. Мода же на традиционные формы, уже давно пустые, в том числе и на «посвящение», есть свидетельство псевдо- и антитрадиции.

Традиция и посвящения, перестав в западной культуре быть священными и универсальными, уйдя из жизни общества, перемещаются в литературу и рассыпаются во всевозможных обрывках в виде обычаев, верований, примет и суеверий, то есть обретают странный облик. Начало этого процесса «олитературивания» традиции и посвящения в европейской культуре относится к XII веку, к Средним векам: «Символику и намеки на обряды посвящения можно найти в процессах Тамплиеров и других “еретиков” и даже в судах над ведьмами. Но эти посвящения в той мере, в какой они еще действительно практиковались, касались узких кругов и были окутаны строжайшей тайной. Мы присутствуем если не при полном общем исчезновении посвящений, то при их почти окончательном сокрытии» [5, с. 309, 310]. Среди тайных обществ было братство «Верные Любви», тоже не чуждое «литературе», включающее в себя посвящение. «“Верные Любви” составили тайное духовное воинство, целью которого был культ “Единственной Женщины” и посвящение в тайну любви. <...> Для нас “Верные Любви” представляют интерес, потому что они иллюстрируют явление, суть которого может быть выражена следующим образом: передача тайного духовного знания через “литературу”. Данте – самый знаменитый пример этой тенденции, которая предвосхитила нынешнюю тенденцию рассматривать искусство, особенно литературу, как образцовое средство, способное выражать идеи теологии, метафизики и даже сотериологии» [Там же, с. 313–315]. Без Любви к «Единственной Женщине», т. е. к Высшей Мудрости, Данте понять нельзя.

М. Элиаде прекрасно понимает суть традиции и посвящения и их метафизическое приращение, различая историческое и метафизическое измерение: «Посвящение предполагает экзистенциальный опыт: обрядовое испытание смертью и открытие сакрального; то есть оно существует в метакультурном и трансисторическом измерении» [Там же, с. 320]. В конечном счете цель его – в освобождении от власти Времени, в овладении временем.

Шаманское посвящение, как уже сказано, корнями своими уходит в далекую древность. Подготовительным этапом было преодоление тяжелых

испытаний, как правило, кандидат должен преодолеть «шаманскую болезнь». «Нет ничего удивительного, что такие болезни почти всегда имеют связь с призванием знахаря. Человек религиозный, как больной, переносится на витальный уровень, открывающий ему фундаментальные предпосылки человеческого существования, то есть одиночество, недолговечность, враждебность окружающего мира. Часто, когда посвящение шамана или знахаря проявляется через болезнь или эпилептический припадок, посвящение кандидата равнозначно его исцелению» [6, с. 31]. Шаманизм в исследовании Элиаде предстает как исток разворачивающейся по ходу истории культуры. Шаман в силу превосходных умственных способностей становится хранителем древних традиций, в нем раскрываются и поэт, и музыкант, и прорицатель, и жрец, и врач. Понятно, что не только в силу пробудившихся способностей он обособляется от мира, но и в силу того, что он посвященный, т. е. он получил другое «тело», метафизическое, которое может вступать в непосредственное общение с силами Неба, Земли и Преисподней. В этом он уже есть предтеча «универсального человека» больших традиций, образующих великие цивилизации, о которых мы узнаем по множеству отпечатков в вечных символах всех исторических традиций. Понятно, что в шаманизме и присущей ему технике экстаза коренится также идея всех иерофаней, и также идея полномочий, предоставляемых Небом (или богами) земной власти, которая многие и многие века поэтому считалась священной.

Посвящение шамана, испытания, обучение и правила его деятельности производят впечатление сверхчеловеческого опыта, они заставляют кандидата претерпевать нередко тяжкие мучения и выходить их этих испытаний победителем. Часть «истязаний» бывает в сновидениях, но сон, имеющий метафизический смысл, неотделим от реальности, только это другая реальность, расширенная, если можно так сказать. По всему земному шару, где только может существовать человек, шаманские посвящения не просто сходны между собой, но по своей структуре тождественны, что никак не может объясняться заимствованиями. Элиаде объясняет это настолько фундаментальной характеристикой человека, что она будет пробиваться через все культурные формы и исторические события. На примере азиатского шаманизма он объясняет не только упадок шаманизма, который отмечают и сами шаманы, причины этого упадка, но и процесс гибридизации, т. е. вплетение в изначальную структуру более поздних, собственно религиозных черт и мотивов. Этот процесс смешения охватил всю ткань современной цивилизации: «С одной стороны, экстатический опыт как таковой, как первичное явление; с другой – историко-религиозная среда, в которую этому экстатическому опыту пришлось интегрироваться, и идеология должна его обосновывать.... Вместе с различными формами куль-

туры и религии модифицировалась и изменялась только интерпретация и оценка экстатического опыта, Упадок культа Всевышнего небесного Существа не привел к упадку культа вознесения со всеми его последствиями. ... Этот символизм зафиксирован везде и во всех исторических контекстах. Можно сказать, что он играет принципиальную роль в шаманских техниках и идеологии... Таким образом, азиатский шаманизм следует считать архаической техникой экстаза, в основе которой заложена первичная идеология – вера во Всевышнее небесное Существо, с которым можно поддерживать прямые отношения путем вознесения на Небо; эта идеология постоянно преображалась в силу целого ряда экзотических влияний, увеличившихся вторжением буддизма. Кроме того, представления о мистической смерти содействовали всё более тесным отношениям с душами предков и с “духами”; в конце концов, эти отношения стали приобретать форму “одержимости”. <...> Феноменология транса подверглась многим изменениям и деградациям, обусловленным большей частью искажениями чистой природы экстаза» [6, с. 371–373].

Шаман был избранным, и он сам в это верил и таковым себя считал. Он был своим в духовном мире, видел невидимое и знал форму того угрожающего человеку, что носит имя Смерти, он мог ее не только пережить, но и предъявить ее образы и символы, т. е. помогал освоиться с мыслью о своей недолговечности и хрупкости. Он демонстрировал чудесные способности, да и чудеса тоже. Это успокаивает и вдохновляет людей, так как они принимают мысль о том, что можно превзойти ограничения нашего земного существования, обрести свободу даже по отношению к неведомым космическим силам. «В общем, можно сказать, что шаман защищает жизнь, здоровье, плодородие, мир “света” – от смерти, болезней, бесплодия, несчастья, от мира “тьмы”. <...> Принципиальной и универсальной является борьба шамана с тем, что мы могли бы назвать “силами Зла”. Нам нелегко вообразить, что значил такой мастер для архаического общества. Это прежде всего уверенность, что люди не одиноки в чуждом мире, окруженные со всех сторон демонами и “силами Зла”. Кроме богов и сверхъестественных существ, которым молятся и приносят жертвы, существуют еще “специалисты по священному”, люди, способные видеть духов и возноситься на Небо и встречаться с богами и спускаться в Ад, и бороться с демонами, болезнью и смертью. Принципиальная роль шамана в защите психической целостности общества зиждется прежде всего на уверенности людей в том, что один из них сможет им помочь в критической ситуации, вызванной обитателями невидимого мира» [Гам же, с. 377].

Если это кому-нибудь кажется наивным, странным или «детским», то он ошибается.

Современное знание может быть гораздо более ограниченным, гораздо более опасным в силу своей ограниченности, чем эти древние «науки, техники и искусства». Те были, по крайней мере, целостными, изначально синтетическими и по непонятной для нас причине – эффективными.

Можно сказать, что посвящение и традиция суть одно, они удерживают друг друга в проявленном мире, в том, в котором все мы живем. Однако в традиции, как ее понимают сторонники учения о Единой Духовной Традиции, представления о человеке и мире, условиях его существования сильно отличаются от современных, можно даже сказать, отличаются принципиально. Человек микрокосм, аналог макрокосма, т. е. Вселенной. Помимо проявленного мира есть и то, что не проявлено, и даже то, что никогда и ни в чем не проявится, но это обсуждать невозможно, потому что этот непроявленный план невыразим (иначе он мог бы и проявиться). Различаются универсальный и индивидуальный планы, в универсальном как раз есть не проявленное и проявленное без форм. Тонкий мир и плотный образуют проявление в формах, т. е. индивидуальный план. Его можно понять как промежуточный между физическим и духовным планами существования, в некотором отношении его можно понять как мир идей. На индивидуальном уровне эти планы существования соединяются, как выразился Элиаде, говоря о шаманизме, гибридно.

Если представить способности души в трех измерениях, то можно понять, почему человеку могут быть доступны некие сверхчеловеческие «силы» [7].

Три психологических измерения, или оси, суть полярные (вокруг полюса, т. е. центра, как три радиуса) распределения с придаваемыми им, распределениям, знаками, как бы пропусками, паролями. Каковы эти измерения?

1. Есть шкала утверждение – отрицание, да – нет, свой – чужой, только информационная.

2. Шкала радость – огорчение, эмоциональная: можно назвать ее энергетической, поскольку эмоции тесно связаны с жизненной энергией, в них энергия окрашивает голую информацию. Люди, у которых заторможена эмоциональная жизнь, жизнь чувств, похожи на дальтоники, у которых нет цветного зрения, а у тех нет эмоционального интеллекта, как это теперь называют.

3. Шкала очарование – разочарование; чувство тайны и странности мира внешнего и внутреннего, предполагающее наличие *веры*, или же, с другой стороны, полная неспособность к вере, неверие при доверии только к «данному нам в ощущениях». Эта, третья, шкала отлична от эмоциональной тем, что здесь включаются (или блокируются) импульсы тонкого мира. Тонкий мир объемлет физическую и психическую составляю-

пую человека, но не только. Он одновременно субъективен и объективен, существует реально, мы в нем живем так же, как в физическом, хотя при обычном состоянии наших органов чувств мы его не воспринимаем.

Конечно, эта троичная двойственность выделяется отчасти условно, схематично. Через посредство этих планов-срезов мы все без исключения в качестве родовых существ общаемся с миром, а точнее, с Вселенной, аналогом коей мы и являемся. Это устройство троичной двойственности есть одновременно канал связи и фильтр, ограничитель. Духовное существо, проявленным отпечатком которого является физическое тело человека, неизмеримо превосходящее физическое и психическое ограниченное состояние, есть целостный человек, но фильтры отсекают от нас знание об этой целостности каждого из нас. Превосхождение «человеческой» формы и ее ограничений было, как представляется, целью шаманской техники экстаза, если перевести это с психологического на метафизический язык.

Тонкий мир в определенной мере всеобъемлющ, но не универсален, так как существует еще различие тонкого и духовного, а также проявленного и не проявленного. И всё это присуще человеку, который к универсальной традиции как будто подвешен, сама же традиция есть проявление универсального изначального принципа. В сущности, и знания, и «сила» он получает из тонкого мира, но надо понимать, что эти планы, о которых идет речь, не разделены непроницаемыми стенами, они не разделены в пространстве и времени. Эти два условия человеческого существования имеют отношение к индивидуальному плану проявления в формах, т. е. они не универсальны. Поэтому приведенные выше описания шаманской техники экстаза, на наш взгляд, являются вполне реалистичными, что кажется странным, потому что они восприняты как раз из тонкого мира. Западный человек, загипнотизированный современной рационалистической и материалистической наукой (она такова, несмотря на все ее фантастические теории), просто не допускает существования тонкого мира, не говоря уже о непроявленном и непроявляемом, навсегда остающихся тайной. М. Элиаде дает такую оценку современному состоянию посвящения и тайным обществам (которые более или менее на виду): «Конечно, в наши дни существует значительное число оккультных сект, тайных обществ, псевдопосвятительских групп, движение неоспиритуалистов и т. п. Теософское общество, антропософия, неоведантизм или необуддизм – не более чем наиболее заметные выразители культурного феномена, засвидетельствованного в западном мире... Единственное тайное общество, которое представляет определенное идеологическое объединение и имеет свою историю и социальный и политический престиж, – это франкмасонство. Остальные организации, имеющие претензию на посвящение, в подавляющем большинстве возникли недавно и носят импровизационный и

гибридный характер. <...> Все тайные и эзотерические организации современного мира не содержат ритуалов и вступления или обрядов посвящения. “Посвящение” ... сведено большей частью к какой-нибудь книжной инструкции. <...> Обряды, называемые обрядами посвящения, сведены большей частью к книжной инструкции. Часто делают очевидной плачевную духовную нищету. То обстоятельство, что адепты могут увидеть в них способ обретения высшего знания, показывает, до какой степени современный человек утратил понимание традиционного посвящения» [5, с. 327, 328].

Блестящие исследования М. Элиаде дают богатый материал для размышления о посвящении и традиции, что неотделимо одно от другого. Однако в учении о Единой Духовной Традиции на тот же предмет взгляд несколько иной, поскольку оно принимает метафизическую точку зрения. Она отличается тем, что начало всего, в том числе и человека, т. е. принцип и причина, берется вне времени и пространства, все условий человеческого существования. Поэтому все социальные, психические да и природные явления суть следствия метафизического принципа. В таком случае идея эволюции лишается всякого основания, история также получает иной образ и смысл, равно как и смысл, и образ существования человека. Наиболее авторитетные представители этого учения – Матжиои, Рене Генон, Ананда Кумарасвами – считают Традицию вечной; она проявляет тот или иной аспект в исторических цивилизациях. Здесь невозможно излагать всю концепцию этого учения, поэтому мы ограничимся лишь основными паттернами, относящимися к теме посвящения. Генон написал книгу *Заметки о посвящении* [2], в начале которой заметил, что для того чтобы полностью раскрыть эту тему, понадобилось бы несколько томов. У нас нет такой возможности, и мы ограничимся краткой схемой, которая извлечена из самого учения о Единой Традиции. Она, конечно, не создает полной картины, но в какой-то мере дает ключ, в котором можно понять это удивительное явление, идущее к нам из недостижимых глубин прошлого. Точка зрения на посвящение этого учения о Традиции принципиально отличается от точек зрения современных наук о человеке. Западная ментальность, производящая эти науки, лишена метафизического плана, вместо которого в ней доминируют продукты воображения. Потому и принять эту точку зрения так трудно, ведь чтобы ее понять, а тем более занять, надо обладать интеллектуальной интуицией, а не только рассудком и чувственностью. Даже М. Элиаде, глубоко и тонко рассуждающий на эту тему, и тот не всегда занимает эту позицию, придерживаясь психологических и социологических объяснений и прежде всего оставаясь сторонником теории К. Юнга. Таким образом, в понимании посвящения точка зрения – метафизическая и универсальная, не религиозна и какая-то еще – репает всё.

Цель традиционного человека, цель посвящения – освобождение от ограничивающих условий индивидуального существования. Это путь, восходящий к совершенному, универсальному, а затем к трансцендентному, но всё же человеку. Посвященный человек достигает Высшего Тождества. В религиозном смысле – единения с Богом, в метафизическом – тождества с Единым.

Если придерживаться традиционного учения, которое в западной науке называют индуизмом, то наша современность есть «темные века». Иными словами, «Духовный Свет», который является сутью и основой всего проявленного мира, не достигает сознания большинства людей, живущих в такие темные времена. В прежние, начальные циклы всё было пронизано духовной традицией. Не было необходимости деления на варны, такое состояние общества называется «над варнами». Понятно, что не было нужды и в посвящении. Современное же состояние – это состояние мира «вне варн» (или «под варнами»), когда доступ к традиции затруднен и духовная иерархия, существовавшая в предшествующую эпоху (*югу*), разрушена. Обычно, сравнивая западную и восточную ментальность, берут их как нечто данное, то, что можно сравнивать по известным параметрам (выстроенным, разумеется, из специфических характеристик нашего же мышления). Это круг, из которого, как кажется, невозможно вырваться. Так вот, исходя из приведенной выше оппозиции, эти два полярных состояния нельзя сравнивать, у них нет общего поля, на котором они были бы представлены. Ведь для культуры и сознания людей Востока определенная реальная или виртуальная духовная иерархия сохраняется каким-то непостижимым для нас образом.

Итак, в современном мире, в котором доминирует западная культура, отсутствуют посвящение, духовная иерархия, передача духовного влияния; это состояние «под варнами». В нем всё есть карикатура на традицию. Наука, искусство, в меньшей степени религия, хотя и она тоже в силу своей ограниченной точки зрения (религий много, а истина – одна) тоже есть одна из ступеней спуска от традиции к профанному миру, хотя в ней и сохраняются, как некое ядро, нечитаемые для большинства традиционные символы. Надо отметить, что восточные метафизические учения Генон не называет религиями. К последним принадлежат только иудаизм, христианство и ислам. В них традиционно только их эзотерическое ядро, а внешняя сторона, обращенная к социуму, то есть мораль, обычаи, не есть сама традиция, а только ее следствие, внешнее ее приложение. Хотя соотношение внешнего и внутреннего (эзотерического) в каждой из этих религий различно, традиция в каждой из них присутствует по-своему. Относительно восточных учений он тоже проводит различие эзотерического и экзотерического, но именно постольку, поскольку они существуют в историче-

ском времени, когда посвящение уже доступно не всем. Духовное влияние, передаваемое в посвящении, очевидно, есть действие некой «высшей реальности», Божественной реальности, если применить религиозную точку зрения. Следовательно, оно имеет нечеловеческий источник, это влияние приходит как бы сверху, подобно лучу света, обнаруживающему дотоле скрытые «предметы», потенциалы. Это луч, не зависящий от нашего волеизъявления: «Дух дышит, где хочет». Влияние не подвержено никакому принуждению «снизу», оно для него недоступно и неуязвимо. Тем не менее посвящаемый не пассивен, он активен, но это не внешняя деятельность, которая может быть только следствием.

Доступ к высшей реальности, реализуемый через посредство посвящения, не имеет отношения к магии, отличен и от мистического пути, который является индивидуальным религиозным опытом. Если говорить о магии, то в традиционном смысле она всегда была наукой именно материального (в широком смысле, то есть плотного и тонкого) плана бытия. Она относилась к священным наукам, которыми профанам заниматься не рекомендуется, даже опасно. И не только потому, что те не ведают, что творят, но также и потому, что они привлекают такие силы, действие которых не смогут остановить. К таким традиционным наукам относились и алхимия, астрология, священная география, священная история и другие знания, о которых мы теперь не можем иметь никакого представления в силу того, что связь с их единым источником прервана. От некоторых из них в наше время остались только формальные оболочки. Таким образом, законного приложения традиционных наук в настоящее время нет. Современные науки не прикреплены к единому духовному источнику, они вообще не связаны с духовным миром как таковым, опираются только на опыт в физическом мире и соответствующий этому опыту *рацио*. А поскольку они претендуют на знание и эффективное действие *вне* цепи посвящения, то они оказались именно в такой же ситуации, как и «ученик мага», подслушавший заклинание, запустивший разрушительный процесс и не способный его остановить, так как обратного заклинания он не знал. С точки зрения традиции этот процесс – научно-технический прогресс, запущенный «учениками мага», в том виде, в каком он реализуется, неизбежно ведет к вселенской катастрофе (слово «катастрофа» буквально означает «поворот», «падение», «крах», даже «смерть»).

То же можно сказать и о различии между мистицизмом и восприятием духовного влияния, которое есть необходимое условие посвящения. Мистицизм принадлежит религиозной сфере, тогда как посвящение не входит в эту сферу, хотя ритуалы крещения, рукоположения по форме суть ритуалы посвящения, аналогичные «второму рождению» и жреческому посвящению; «благодать» воспринимается как нисхождение Духа. Но, по сути, это нечто совершенно иное, так как религия и ее ритуальные фор-

мы имеют в виду только индивидуальное «спасение», а не «освобождение», прежде всего освобождение от индивидуальных ограничений. С религиозной точки зрения индивид должен быть спасаем в его индивидуальных особенностях, в его «таковости». Мистик, таким образом, имеет только индивидуальный опыт, к тому же он всегда остается пассивным по отношению к этому опыту (всегда неизвестно, когда и откуда придет мистическое «откровение»), хотя это не означает, что это «пустой» опыт, не имеющий никакого коррелята в духовной реальности, просто он не выходит за границы пассивности и индивидуальности. Посвящение же предполагает некую внутреннюю работу, посвящаемый должен быть «готов» обладать определенной духовной квалификацией.

Это различие необходимо было сделать для того, чтобы развести смыслы, которые кажутся близкими, но на деле ничего общего не имеют с *духовным влиянием* и его передачей в посвящении, что составляет неотъемлемую часть традиции.

Передача в цепи посвящения реализуется сверху, источник ее нечеловеческий, в этом смысл духовной традиции (традиция и есть передача). Поэтому между теми традиционными формами (в той или иной культуре), которые оживляются присутствием духовного влияния, нет так называемой исторической преемственности, как обычно понимает процесс взаимодействия культур светская антропология, история, философия культуры. Эти традиционные культуры зажигаются, подобно звездам на небе, связь между ними эмпирически не необходима. Это метафизическая связь, традиционные культуры связаны между собой не посредством наличных форм и не исторической преемственностью, а единым принципом, который не открывается во внешних формах. Но, с другой стороны, существует и передача по горизонтали, от учителя к ученику, поскольку необходимо поддерживать традиционный порядок и в индивидуальном плане. Существует «цепь посвящения», развернутая во времени, – парампара. Она обеспечивает единство традиции «снизу», в проявленном мире. Передается при посвящении на самом деле только духовное влияние, или энергия, оживляющая всё, к чему она прикоснется. Символы, формы ритуального действия, представления и теоретические знания остаются средствами превращения человека в духовное существо, его перерождения. Духовный человек рождается в муках, так как он сам себя и рождает, конечно, не без помощи тех, кто уже посвящен.

В этом смысле великие памятники традиции можно рассматривать как символы сразу двух принципов передачи духовного влияния. Единство больших традиционных культур, «миров», дальневосточного, индийского, христианского, иудейского, исламского (в той мере, в какой они оставались традиционными) удерживается именно таким образом.

Разные точки зрения на любой предмет, существующие среди мыслящих людей, оставаясь ограниченными, должны быть приведены в совершенное согласие всеобщего синтеза. Так обстоит дело в традиционном знании. Для этого традиционное знание и посвящение пользуется символизмом. «По самой своей сущности символизм посвящения не может быть сведен к более или менее систематически точным формулам, подобным тем, которые предпочитает профанная философия. Роль символов состоит в том, чтобы быть поддержкой концепции, возможности расширения которой поистине неограниченны, и не является ли всякое выражение лишь символом; следовательно, надо всегда оставлять место для невыразимого, являющееся даже в порядке метафизики наиболее важной частью» [4, с. 467, 468]. Согласие всеобщего синтеза ни в какой мере не есть договор. Об истине не договариваются, она пребывает в том «месте невыразимого», которое называют по-разному: Изначальный Принцип, Единое, соединение бытия и небытия, Абсолют, истинная реальность, высшее знание. Всякое имя подойдет, и ни одно из имен не попадет в точку, в это самое место невыразимого и неназываемого.

Вся структура посвящения и ритуал суть символы этого пути к высшей цели. Само духовное влияние, передаваемое через ритуалы и символы, всегда совершенно, но посвящаемый может быть недостаточно готовым, недостаточно квалифицированным. К таким моментам относится непреложное соблюдение данной клятвы, ведь клятва дается не столько перед лицом других людей, сколько в присутствии богов. В сущности, нарушение клятвы есть ложная мысль, ошибка. А ошибка считается в традиции тем, что в религии называют грехом. Бога нельзя обманывать, это означало бы прервать нить духовного влияния. Хотя полученное посвящение нельзя потерять¹, в то же самое время, например, несоблюдение клятвы свидетельствовало бы о том, что оно еще не реализовано, а остается виртуальным. Итак, духовное влияние, получаемое в ситуации посвящения, ведет человеческое существо к трансцендентному состоянию. Это состояние реализуется только через внутренний «центр» этого существа. Путь посвящения, таким образом, ведет существо через этот центр (что и называется вторым рождением, обретением высшего знания) к Высшему Тождеству через преобразование всего состава этого существа.

Цель посвящения через низведение в наше существование духовного влияния удерживает от окончательного уничтожения человечество и саму Вселенную. Исчезновение или подмена его псевдопосвящением, что

¹ Здесь также присутствует момент, различающий религиозную точку зрения от чисто традиционной. «Благодать» временная, ее надо возобновлять, «благословение» вообще можно утратить. Хотя и то и другое может рассматриваться как аналог духовного влияния и даже его предполагает.

равнозначно антитрадиционности современного мира, несет в себе опасность, которую мало кто способен осознать.

Современный мир техничен, «технэ» означает «искусство», «то, что сделано с мастерством, технично». Любой технический объект развернут во вне (можно сказать, вывернут наизнанку), все его части, детали внеположены друг другу, он не имеет того центра, который бы связывал этот объект с тонким миром и через него – с духовной Вселенной. Сегодня даже традиционная духовная практика превратилась в психотехнику, в нечто внешнее и механистичное. Техномир никогда не будет иметь «зерна» вечности, ничто из него не может проникнуть сквозь «барьер», отделяющий наш «эон» (цикл времени) от «Нового Неба и Новой Земли». Этим зерном может обладать только живой человек, не разрушивший себя, не превратившийся в машину.

Мы нашу собственную ситуацию, а это ситуация техномира, полагаем как естественную, нередко даже как должную; но оценки наши сомнительны и познавательные горизонты сужены. Поскольку мы не покидаем частной позиции, т. е. позиции индивидуального проявления, то все явления для нас кажутся либо пагубными, либо благотворными. Оставаясь на этой точке зрения, мы можем занять срединную позицию – нейтральную, никак не преодолевая самой двойственности существования. Но, оставаясь в плену дуализма, человек отрицает Единство, «которое для них есть, на деле, как если бы его и вовсе не было» [3, с. 295]. Рене Генон так устраняет это затруднение: двойственность (пагубный и благотворный аспекты) есть ключ традиционного объяснения условий проявления. Если рассматривать ход проявления сам по себе, в особенности к концу цикла, то он представляет собою «спуск», нарастание негативных явлений, то есть обнаруживает пагубный аспект, «прогрессивную» деградацию. С другой стороны, помещенный в ансамбль универсального существования, он обладает и позитивной ценностью, которая состоит в том, что разворачивает его до конца, включая низшие возможности «темного времени», чтобы все результаты цикла были интегрированы и как бы исчерпаны. Конец одного цикла станет началом нового. «Так же обстоит дело, когда рассматривают сам конец цикла: с частной точки зрения... этот конец, естественно, “катастрофичен” в этимологическом смысле этого слова, указывающего на идею внезапного и непоправимого “падения”; но, с другой стороны, при которой проявление, исчезая как таковое, оказывается приведенным к своему принципу во всем том, что оно имело от позитивного существования, тот же самый конец обнаружится, напротив, как “восстановление”, через которое, как мы уже говорили, все вещи не менее внезапно будут вновь поставлены в “первоначальное состояние”. Впрочем, это может применяться ко всем ступеням, идет ли речь об одном существе или о мире: в сумме част-

ная точка зрения всегда “пагубна”, а точка зрения “тотальная”, по крайней мере, в большей степени, чем первая, благотворна, потому что всякий возможный беспорядок таков лишь постольку, поскольку его рассматривают сам по себе и “отдельно”, и потому что эти частные беспорядки полностью исчезают перед лицом всеобщего порядка, в который они в конечном счете входят и которого они, лишённые своего “негативного” аспекта, суть составные элементы, как и всякое другое; в результате “пагубным” является лишь ограничение, необходимо обуславливающее любое случайное существование. <...> “Пагубный” аспект полностью исчезает, потому что по существу он был лишь иллюзией, присущей “разделению”. Только, по правде говоря, тогда уже нельзя говорить собственно о “благоприятном”, а тем более о “пагубном”, поскольку эти два термина существенным образом коррелятивны и обозначают оппозицию, которая больше не существует, потому что, как и всякая оппозиция, она принадлежит к относительной и ограниченной сфере; как только она превзойдена, тогда просто есть то, что есть, и что не может не быть или же быть иным, чем оно есть; и таким образом, если хотят дойти до реальности самого глубокого порядка, то можно сказать со всей строгостью, что конец мира никогда не есть и никогда не может быть чем-нибудь другим, кроме как концом иллюзии» [Там же, с. 296, 297]. В терминах христианства такое завершение цикла называется концом «царства Антихриста»: «Это существо, даже если оно появится в форме определенной личности, реально будет скорее символом, чем индивидом, как бы самым синтезом всего перевернутого символизма, используемого “контрпосвящением”, что проявится в нем тем более полно, что в этой роли он не будет иметь ни предшественника, ни последователя; чтобы выразить, таким образом, ложь в ее последней степени, он должен быть, можно было бы сказать, полностью “фальшивым” со всех точек зрения и быть как бы инкарнацией самой лживости» [Там же, с. 289].

Литература

1. *Апулей*. Метаморфозы в XI книгах // Апулей. Апология; Метаморфозы; Флориды. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – С. 99–316.
2. *Генон Р.* Заметки о посвящении = *Apersus sur l'Initiation*: смысл, цели, перспективы. – М.: Беловодье, 2010. – 400 с.
3. *Генон Р.* Царство количества и знамения времени / пер. с фр. Т.Б. Любимовой. – М.: Беловодье, 2011. – 304 с.
4. *Генон Р.* Эзотеризм Данте // Генон Р. Царство количества и знамения времени; Очерки об индуизме; Эзотеризм Данте: избранные сочинения. – М.: Беловодье, 2011. – С. 439–468.
5. *Элиаде М.* Тайные общества: обряды инициации и посвящения. – Киев: София; М.: Гелнос, 2002. – 352 с.

6. *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. – Киев: София, 1998. – 384 с.
7. *Castaneda C.* The Eagle's Gift. – New York: Pocket Books, 1982. – 314 p.
8. *Hultkrantz A.* Ecological and Phenomenological Aspects of Shamanism // Shamanism in Siberia / ed. by V. Diószegi and M. Hoppal. – Budapest: Academia Kiado, 1996. – P. 1–32. – (Bibliotheca shamanistica; vol. 2).
9. *Pentikainen J.* Shamanism and Culture. – 3rd rev. ed. – Helsinki: Etnika, 1998. – 136 p.
10. *Zorzi A.* Cultori di Pseudo-Esoterismo Cinematografico // Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum. – 2018. – N 110. – P. 75–81.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019
Статья прошла рецензирование 14.06.2019

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-57-76

REFLECTIONS ON INITIATION

Lyubimova Tatyana,*Dr. of Sc. (Philosophy)**Institute of Philosophy, RAS,**12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-4840-4018

ResearcherID: 2018-11-09

tat-lub@yandex.ru

Abstract

Initiation is the most ancient and fundamental basis of the civilization existence. The forms of initiation have been changing over time, but its purpose has remained the same. The most ancient form of initiation we can find in shamanism. Later one can observe its hybridization in interaction with more complex and organized religions. Modern civilization has lost the original meaning of initiation rituals. Its symbols, themes have moved into poetry and literature. In this regard, the author considers the ideas of M. Eliade. The aim of the study was to show the underlying causes of transformation of traditional civilization into the anthropogenic one. This phenomenon is considered to be degradation according to the One Tradition. R. Guénon finds the cause of the degradation of Western civilization in the narrowing of the intellectual horizon. A sharp decline in the intellectual level, rationalism and materialism in philosophy, the reduction of everything to the quantity are characteristic of Western philosophy. And that had a negative impact on the civilizations of the East. The degradation of initiation is also related to this. Anti-traditional society has given rise to forms of fictitious initiation. One cannot, however, deny the existence of a genuine but secret initiation. R. Guénon believes that true initiation is a connection with the Supreme principle of being, the metaphysical source of all things. In our study we have tried to show the groundlessness and injustice of prejudice against the doctrine of the One Tradition, to reveal the spiritual meaning of the ancient forms of initiation; to show that the One Tradition is not ensured by the continuity of cultural forms; but these forms are only a symbolic expression of Tradition. The Tradition itself, as well as initiations, surpasses the conditions of human existence.

Keywords: initiation, shamanism, tradition, symbols, modern civilization.

Bibliographic description for citation:

Lyubimova T. Reflections on Initiation. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 4, pt. 1, pp. 57–76. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.4.1-57-76.

References

1. Apuleius. *Metamorfozy v XI knigakh* [Metamorphoses in XI books]. Apuleius. *Apologiya; Metamorfozy; Floridy* [Apologiya. Metamorfozy`. Floridy`]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959, pp. 99–316. (In Russian).

2. Guénon R. *Aperçus sur l'initiation* [Perspectives on Initiation]. Paris, Les Éditions Traditionnelles, 1946 (Russ. ed.: Genon R. *Zametki o posvyashchenii: smysl, tseli, perspektivy*. Moscow, Belovod'e Publ., 2010. 400 p.).
3. Guénon R. *Le règne de la quantité et les signes des temps* [Reign of Quantity and the Signs of the Times]. Paris, Gallimard, 1945 (Russ. ed.: Genon R. *Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni*. Moscow, Belovod'e Publ., 2011. 304 p.).
4. Guénon R. *Ezoterizm Dante* [The Esoterism of Dante]. Guénon R. *Tsarstvo kolichestva i znameniya vremeni; Ocherki ob induizme; Ezoterizm Dante* [Reign of Quantity and the Signs of the Times. Studies in Hinduism. The Esoterism of Dante]. Moscow, Belovod'e Publ., 2011, pp. 439–468. (In Russian).
5. Eliade M. *Tainye obshchestva: obryady initsiatsii i posvyashcheniya* [Initiation, Rituals, Secret Societies]. Kiev, Sofiya Publ., Moscow, Gelios Publ., 2002. 352 p. (In Russian).
6. Eliade M. *Shamanizm: arhaicheskie tekhniki ekstazy* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev, Sofiya Publ., 1998. 384 p. (In Russian).
7. Castaneda C. *The Eagle's Gift*. New York, Pocket Books, 1982. 314 p.
8. Hultkranz A. *Ecological and Phenomenological Aspects of Shamanism. Shamanism in Siberia*. Ed. by V. Diószegi and M. Hoppal. Budapest, Academia Kiado, 1996, pp. 1–32.
9. Pentikainen J. *Shamanism and Culture*. 3rd rev. ed. Helsinki, Etnika, 1998. 136 p.
10. Zorzi A. *Cultori di Pseudo-Esoterismo Cinematografico. Rivista di Studi Tradizionali. Nosce te Ipsum*, 2018, no. 110, pp. 75–81.

The article was received on 17.04.2019.

The article was reviewed on 14.06.2019.